

Sciaparelli

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	15
Глава 1	17
Глава 2	38
Глава 3	52
Глава 4	70
Глава 5	99
Глава 6	121
Глава 7	122
Глава 8	131
Глава 9	146
Глава 10	165
Глава 11	178
Глава 12	192

Schiaparelli

Глава 13	210
Глава 14	227
Глава 15	244
Глава 16	251
Глава 17	262
Глава 18	281
Глава 19	295
Глава 20	309
Глава 21	323
Эпilog	333
Двенадцать заповедей женщины	335

Предисловие к русскому изданию

Первое издание на русском языке замечательной книги воспоминаний великой создательницы мод Эльзы Скиапарелли — исключительное по важности событие в истории и теории отечественной моды. В СССР на протяжении многих десятилетий имя Эльзы Скиапарелли было предано полному забвению — это было связано с грустной для русской культуры политикой «железного занавеса». Но лучше поздно, чем никогда! И именно с этой книги московское издательство «Этерна» начинает новую серию редких книг о моде на русском языке, авторами которых были сами модельеры, создатели известных домов моды, великих брендов, авторских стилей. Сейчас, когда отечественная мода переживает большой подъем и начинает собирать первые цветы успеха на международном рынке славы, обучение людей, связанных, хотя бы опосредованно, с миром красоты, эстетики и моды, мне лично видится особенно важным. Я уверен, что автобиографические воспоминания **ВЕЛИКОЙ ЭЛЬЗЫ СКИАПАРЕЛЛИ** доставят читателям большое удовольствие и станут поводом для плодотворных размышлений.

С именем Эльзы Скиапарелли связана целая эпоха мировой моды, расцвет которой приходится на 1930—1950-е годы. Ее талант напрочь опровергает мнение, что большую моду могут создавать только мужчины. Удивительно талантливая и оригинальная, итальянка Эльза Скиапарелли всего добилась собственным трудом, долгим и серьезным творческим поиском. Одна, без помощи мужа, с маленькой больной дочкой на руках, Эльза прибыла из Нью-Йорка в Париж после Первой мировой войны. Получив благословение самого «императора парижской моды» той эпохи Поля Пуаре, она дерзнула открыть в Париже, городе жестокой конкуренции, свой модный салон и привлечь к себе внимание. Одним из секретов первого

успеха Скиапарелли был, на мой взгляд, ее интеллект, ум, помноженный на художественный дар и работоспособность. Человек тонкой культуры, поклонница литературы, поэзии и философии, Эльза родилась в 1890 году и выросла в Риме в семье аристократа, директора Королевской библиотеки. Среди ее предков был знаменитый итальянский астроном Джованни Вирджинио Скиапарелли (1835—1910), отрывший особенности строения «каналов» на поверхности Марса. Реальное и ирреальное, подчас даже космическое, окружало девочку с детства и научило ее нестандартно мыслить. Эльзу всегда тянуло к неизведанному, новому и оригинальному. Смелость помогла ей переделать образ сотен тысяч женщин, ставших в 1930—1940-е годы ее клиентками и поклонницами. Об успехах и трудностях, о страхах и размышлениях, о встречах и путешествиях Скиапарелли вы узнаете из этой книги.

Что действительно нового привнесла Эльза в этот загадочный мир моды? Возможно, из всего ее наследия самым живучим оказался цвет яркой фуксии, так называемый «Shocking pink» — «шокирующий розовый», который стал лейтмотивом многих ее коллекций, цветом упаковки косметики и духов Скиапарелли. «Шокинг» в сочетании с черным позже был растиражирован множеством последователей великой Эльзы, начиная от Пьера Бальмена и недавно скончавшегося Ива Сен-Лорана, который считал себя во многом ее последователем, и заканчивая розовой палитрой у Кристиана Лакруа, Джонни Гальяно и многих других, менее известных и успешных дизайнеров.

Значительным вкладом Эльзы Скиапарелли в мир моды был симбиоз с популярным в то время сюрреалистическим искусством во главе с Сальвадором Дали. В преддверии Второй мировой войны стремление к уходу от реалий жизни было очевидно. А победа тоталитарных диктатур в Европе, включая родную для Эльзы Италию, Германию, Испанию и СССР, ста-

ла тем контрастным фоном, на котором сюрреализм выгодно выделялся и оформился в мощное эстетическое и художественное движение. Взаимодействие Сальвадора Дали и Эльзы Скиапарелли подарило миру артефакты, исключительные по ценности и глубине проникновения изобразительного искусства в модный процесс. По эскизам Дали были созданы дамская сумочка в форме телефона; всемирно известная шляпка в виде женской черной туфельки, указывающей каблуком в небеса; перчатки с накладными цветными ногтями; коктейльное платье с омаром на юбке; пластиковое ожерелье с металлическими жуками; дизайн флаконов духов и многое другое. Другой замечательный художник и поэт того времени Жан Кокто создал для Эльзы рисунки ее знаменитых вышивок и аппликаций для модельных платьев, которые она мастерски интерпретировала в пластичных тканях.

Новинками от Эльзы Скиапарелли, дошедшими до нашего времени, стали набивные ткани с газетным текстом, использование прозрачного пластика в модных изделиях, создание и пропаганда брючных костюмов и, конечно, подкладные плечики, которые появились в ее коллекциях еще в 1932 году! Большая поклонница Античности, как истинная римлянка, в своих оригинальных и порой эксцентричных творениях Эльза уделяла много внимания драпировкам и любила завышенные талии. Она ввела это в моду в 1930 году, и силуэты Скиапарелли напоминали помпейские скульптуры эпохи Цезаря. Ее модели позволяли даже самым робким, некрасивым и застенчивым женщинам стать заметными, привлекательными и одухотворенными. Создание Эльзой авторский духов с запахом пачулей «Shocking», разлитых во флаконы в форме бельфамистого торса американской кинодивы 1930-х годов Мэй Уэст, для которой она создавала удивительные костюмы в Голливуде, сделали успех Дома Скиапарелли мировым.

Впоследствии флакон в виде торса был скопирован для своей парфюмерной продукции Жан-Полем Готье.

Сотни клиенток со всего мира спешили в Париж, на Вандомскую площадь, 21, в салон Скиапарелли, вновь отделанный известным французским декоратором Жан-Мишелем Франком, справа от входа в отель «Ритц», где жила тогда современница Эльзы и ее главная конкурентка Коко Шанель.

Враждебные отношения между Шанель и Скиапарелли стали достоянием всего Парижа в те годы. Коко пришла в мир моды раньше Скиапарелли и была старше на семь лет. Стремительный успех «этой итальянской художницы», как выражалась Шанель, задел ее в самое сердце. То была не «холодная война», а настоящее сражение талантов. Отголоски этих, вовсе не шуточных баталий читатель, возможно, прочтет между строк этой книги, хотя Скиапарелли практически ничего не пишет о своей конкурентке. Историки моды Парижа донесли до нашего времени анекдот о том, как Коко, пригласившая к себе Скиап, а именно так Эльзу называл весь Париж, усадила ее в черном бархатном платье на стул, свежескрашенный белой масляной краской! Эти две дамы переманивали друг у друга манекенщиц, фотографов, коммерческих директоров и даже дизайнеров. Настоящая борьба развернулась вокруг знаменитой русской топ-модели 1930-х годов Людмилы (Люд) Федосеевой, которая позировала то в одной, то в другой, конкурирующей, рекламной съемке. Подобную параллель можно провести и в отношениях Сальвадора Дали, Кристиана Бернара и Жана Кокто с Шанель и Скиап. Но все же справедливости ради скажем, что в 1930-е годы перевес сил был, безусловно, на стороне Скиапарелли, тонко чувствовавшей время и стилистику, в то время как Шанель при своем неумении ни рисовать, ни кроить не смогла успешно перейти на новые силуэты того времени.

Несомненно, русским читателям будет интересно узнать о поездке Эльзы Скиапарелли в СССР в ноябре 1935 года на Французскую торговую выставку, где она представляла французскую моду и была первым западноевропейским кутюрье, представившим свои модели в СССР в эпоху Сталина. Однако желание Скиап переодеть советскую женщину по новой моде не нашло поддержки у властей. Несколько ее моделей все же были тайно скопированы горничными отеля «Метрополь» в Москве, а экстравагантные шляпки Эльзы пришлось по вкусу знаменитой актрисе кино того периода Янине Жеймо. Описание Скиап этого путешествия в Москву и Ленинград — уникальное свидетельство объективного взгляда извне на моду и стиль жизни советской России. Опубликованная в «Vogue» 1935 года карикатура на Сталина и Скиапарелли, якобы взявшей интервью у диктатора, стоила, вероятно, долгих бессонных ночей сотрудникам Лубянки.

Конец 1930-х годов был ознаменован взлетом ретроспективной, исторической тенденции неовикторианства, вызванной успехом многих исторических экранизаций в Голливуде и пышной пассаистической коронацией нового короля в Англии, Георга VI, в 1936 году. Настоящим шедевром многоликой и не устаревающей моды была коллекция Скиапарелли лета 1938 года на тему цирка с удивительными бисерными и стеклярусными вышивками работы Дома Лессажа. А к лету 1939 года Скиап подготовила прекрасные коллекции веселых платьев с турнюрами, напоминающими наряды героинь Золя и Мопассана, и возродила моду на рукава «жиго». В Париже конца прошлого столетия я был лично знаком с ведущей манекенщицей Дома Скиапарелли Варварой Борисовной Раппонет, родившейся в 1911 году в Киеве. Русская манекенщица пришла просить работу у Скиап в начале немецкой оккупации, до войны она была моделью у «Баленсиаги»,

открывшегося в 1937 году. Исхудавшая донельзя в результате хронического недоедания, Варвара очень не понравилась Ирен Дана, управлявшей тогда Домом моды, которая порекомендовала ей посмотреться в зеркало перед поиском работы. «Кожа да кости», — сказала она. Но, услышав этот разговор, Скиап вмешалась: «Мадам Дана, кто вам дал право выбирать моих моделей? Мадемуазель, вы ангажированы!» Так Варвара Борисовна стала знаменитой манекенщицей Парижа 1940-х годов под псевдонимом Барбара Скиап и всю жизнь сохраняла самые добрые воспоминания о работе в этом Доме. Она называла Эльзу сердечной и талантливой женщиной, позировала в ее платьях для фотосессий, некоторые из ее снимков из моего архива мы публикуем в этой книге впервые. Другими русскими манекенщицами, работавшими для Скиап в 1930-е годы, были баронесса фон Мёдем, Лидия Ротванд (ур. Зеленская) и княжна Мещерская. Скиап нередко работала с русскими эмигрантами. Она создавала театральные костюмы для знаменитого театра-кабаре из Москвы «Летучая мышь», которым руководил Никита Балиев. Во время Второй мировой войны и немецкой оккупации Парижа Скиап очень четко проявила свою гражданскую позицию. Она предпочла эмигрировать в США, чем жить в оккупированной Франции, и оставила свой Дом на попечение шведской директрисы Ирен Дана. Описание ее «побега» через Испанию и Португалию — одни из самых авантюрных страниц этого увлекательнейшего бытописания.

Попав в США, неутомимая Эльза читала лекции о моде для многотысячной аудитории на стадионах, выступала с акциями Красного Креста и собирала посылки для французских детей-сирот. Как это разнится с роскошной жизнью ее конкурентки Шанель, проведший годы военной оккупации в номере отеля «Ритц» в объятиях немецкого любовника, офицера Ханса

Гюнтера фон Динклагге. Разные характеры — разные судьбы и разное отношение к Франции, не так ли?

По окончании войны Эльза снова возвращается в свой Дом, выпускает новые духи «Le Roi Soleil» в авторском флаконе от Сальвадора Дали и приглашает на работу двух молодых стилистов. В 1945 году ее ассистентом становится Пьер Карден, а в 1947 году — юный Юбер де Живанши. А затем она приглашает и верного спутника Юбера, Филиппа Вене.

Но время берет свое. Послевоенный Париж воодушевлен приходом в мир моды новых имен — мадам Карвен, Пьер Бальмен, и, наконец, в 1947 году взорвалась настоящая бомба — состоялась премьера «New Look» Кристиана Диора — стиль, который Эльза не совсем поняла и приняла. Эта вычурная и в то же время изысканная женственность взяла верх над экстравагантными, но эстетскими моделями Скиап, и бороться с конкурентами стало все труднее и труднее. К тому же 15 февраля 1947 года у Эльзы рождается первая внучка — Мариса Беренсон, ставшая затем манекенщицей и киноактрисой. Радости Скиап не было предела, и она покупает себе новый дом в Тунисе, в местечке Хаммамет. Она пишет свои воспоминания, те самые, которые вы собираетесь прочитать. Но дела дома идут все хуже. Несмотря на массовые продажи лицензий на производство одежды, шляп и белья для женщин и мужчин под ее именем в американские универмаги, в 1954 году Эльза показала свою последнюю сокращенную коллекцию. Это случилось накануне возвращения из Лозанны в Париж ее заклятого врага Коко Шанель, которая после четырнадцатилетнего перерыва решает вновь заняться кутюром, дабы спасти свое имя, Дом и поднять продажи духов. 13 декабря 1954 года Скиапарелли полностью закрывает свой Дом моды в Париже, но продолжает продажи духов и линию женских аксессуаров — шляп и очков — в США.

Шанель одерживает значительную победу в этой долгой битве двух богинь моды, но в 1971 году в Ритце она умирает первой, в одиночестве. Скиап переживает ее на два года и тихо умрет во сне в Париже 13 ноября 1973 года. Она попросит похоронить ее в пижаме цвета «шокинг» на кладбище маленькой пикардской деревушки Фрукур. Перед смертью Скиап подарит большую коллекцию своих платьев Музею Филадельфии и Парижскому музею искусств моды на улице Риволи. Десять лет спустя, в 1983 году, в Париже открылась ретроспективная выставка Эльзы Скиапарелли в «Forum les Halles», которая пользуется большой популярностью и возрождает доброе имя Скиап. Одним из ее организаторов стал американский коллекционер Билли Бой, который считается лучшим экспертом творчества Эльзы Скиапарелли. Именно с этой выставки в Париже и началось увлечение автора этих строк ее творчеством. Думается, что и вам, читатели, история жизни этой неординарной женщины придется по душе. В качестве послесловия мне осталось только добавить, что сюрреальное так никогда и не покинуло Эльзу: 11 сентября 2001 года в одном из самолетов, врезавшихся в нью-йоркские башни, сидела вторая любимая внучка Скиап, фотограф и актриса Берри Беренсон, бывшая жена Энтони Перкинса, актера фильмов ужаса у Хичкока. Он сам скончался от СПИДа 12 сентября 1992 года. Сюрреалистическое продолжение шокирующей жизни. И смерти!

*Александр Васильев,
Париж, 2008*

Предисловие

Скиап я знаю только по слухам, только по отражению в зеркале. Для меня она что-то вроде пятого измерения. Это непредсказуемая особа, но простота ее обезоруживает, это правда.

В высшей степени ленивая, способная, тем не менее работает быстро и с неистовым жаром. В ней все смешалось — смех, слезы, на нее интересно смотреть за работой, когда отчаяние сменяется огромной радостью. Она щедра и скупа — случается, готова отдать половину всего, что у нее есть, и не захочет отдать носовой платок из своей сумочки.

Глубоко человеческая, одновременно любит и презирует свою двойственность. Не замечает людей, которых не ценит, она смотрит сквозь них. Умеет принимать огорчения и печали в жизни, но, к счастью, не научилась приспособливаться.

Всю свою жизнь она искала что-то другое, перед ней вечно стоял вопросительный знак. Склонная к мистике, верила в это, но все еще не поняла, что же это такое.

Дожив до зрелого возраста, так и не повзрослела. Упрямо верит в дружбу и слишком требовательна к друзьям, а разочаровавшись в ком-то однажды, наживает врага. Лесть и пустые разговоры ее утомляют, и она никогда не понимала, как можно считать жизнь самоцелью.

Бывает очаровательной, а иной раз — совершенно невыносимой. Ей это известно, но исправиться не получается.

Обычно считают: Эльза — хорошая деловая женщина, но ей недостает нежности. Или в качестве деловой женщины она плохая, ее без конца используют и обманывают; но она выстрадала куда больше многих других и часто бывала унижена.

Я ее видела в зеркале. Кроме того, существует ее знаменитый портрет работы Пикассо. Друзья (ах, конечно, у нее их много!) утверждают, что этот портрет хорошо ее представляет.

На картине изображена клетка; под ней на зеленом сукне лежат игральные карты; в клетке — белая бедняжка-голубка грустно смотрит на блестящее розовое яблоко. Снаружи около клетки — черная птица; раздраженная, бьющая крыльями, она бросает вызов небу. Ни за какие сокровища Эльза не рассталась бы с этим портретом, пусть даже, как предсказала ей когда-то мать, у нее останется лишь корка хлеба и соломенная подстилка в пустой комнате. Не была бы эта комната пустой — в ней висел бы ее портрет работы Пикассо.

Надеемся, однако, пророчество матери никогда не исполнится.

А исполнилось оно, Скиап знала бы, что, несмотря на успех, доброе имя и отчаяние, источник высшего порыва — она сама.

Порыва этого никто не отнимет — преодолет все: зависть, тиранию, любые наказания...

Пабло Пикассо. Портрет Эльзы Скиапарелли, 1933

ГЛАВА 1

Собор Святого Петра, уникальное творение гениев, своей колоннадой, как клешнями краба или осьминожьими щупальцами, охватывает круглую площадь Святого Петра. Казалось, это раскрытые объятия матери, готовой прижать к сердцу всех заблудших, все души, надеющиеся на спасение.

Однажды небольшая процессия проследовала в собор Святого Петра в Риме. Впереди шли мужчина, по виду ученый, с сидящей бородкой, и женщина, уже не юная, но с нежным лицом; затем девочка лет десяти с типично римскими чертами лица и длинными темными косичками и, наконец, кормилица, одетая, как все римские няни, в объемные разноцветные юбки, тесный бархатный корсаж, стянутый на талии, с огромным сложным бантом — тесьма его из разноцветного тартана¹ реяла над ее лицом как ореол. На руках кормилица держала младенца.

Процессия медленно продвигалась и постепенно терялась в огромной базилике. Бронзовая статуя святого Петра, чьи ноги истерты поцелуями бесчисленных паломников, блестела в сумеречном свете, мрамор и золото колонн поблескивали в сумраке собора. Рядом с купелью ожидал священник. Церемония началась.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа я совершаю обряд крещения...— произнес священник и внезапно остановился.— Да, а как зовут ребенка?

В ответ наступило тягостное молчание — никому не пришлось в голову выбрать имя для этого ребенка. Все надеялись, что родится мальчик, но на свет появилась девочка. Еще до рождения ребенка отец, ученый, погрузился в восточные книги — Коран и даже «Тысячу и одну ночь»,— чтобы найти имя.

¹ Тартан — клетчатая шерстяная ткань.— *Прим. пер.*

Но стало известно, что родилась девочка, и все потеряли интерес к этой проблеме, и семья не дала себе труда ее решить.

— Итак,— пробормотал священник,— вы не приготовили имя?..

Кормилица, которая любила немецкую музыку, предложила свое, вагнеровское,— Эльза.

Никто не придумал ничего лучшего, и его приняли. Имя стало первым разочарованием Скиап — и сигналом к началу сражения...

Процессия пустилась в обратный путь к дворцу Корсини¹, туда, где Скиап родилась, по узким улочкам, которые называли «*vicoli*», переулками.

Дворец Корсини находится в Трастевере, самом старом и самом римском районе города. С одной стороны от дворца — приют для умалишенных, с другой — тюрьма; но сам дворец возвышается среди душистых магнолий сада, разбитого на одинаковые квадраты с рядами мандариновых и лимонных деревьев; его фасад вырисовывается перед холмом Джаниколо, знаменитым парком Рима. На вершине холма воздвигнута статуя Гарибальди верхом на необузданном коне; неподалеку находится вилла Фарнезина². Согласно легенде, сразу после рождения Скиап Рим был потрясен взрывом (на самом деле он произошел некоторое время спустя). Взорвался пороховой склад Сен-Поль — отлетела штукатурка со стен. Скиап

¹ Построен в 1510—1512 гг. для кардинала Риарио; в 1736 г. архитектор Ф. Фуга перестроил его для кардинала Корсини. Ныне там разместились Национальная галерея старинного искусства, известная как Галерея Корсини.— *Прим. пер.*

² Построена в 1508—1519 гг. архитектором Б. Перуцци; шедевр архитектуры эпохи Ренессанса; расписана внутри фресками Перуцци, Пьомбо и Рафаэля. Ныне в ней находится Академия Линчеи, основанная в 1603 г., членом которой был Галилей.— *Прим. пер.*

утверждает, что помнит это происшествие: звук ужасный, несколько плиток во дворце треснули. Перепуганная няня, чтобы ее провели по всему городу, прямо с младенцем, вцепившимся в ее грудь: она должна была увидеть своими глазами, что уцелело в городе. Ее довели до кафе Капреттари, за Университетом, где город уже настолько уступал место деревне, что по улицам спокойно бродили козы. Это, по-видимому, успокоило няню. Именно там, на террасе, окаймленной розовыми блестящими бегониями, катали Скиап в коляске и оставляли на целые часы под перечным деревом. Она прекрасно это запомнила, хотя ей был всего год. Терраса выходила на Библиотеку Линчеи. Как ни странно, эта библиотека относится к воспоминаниям раннего детства Эльзы, а не отрочества. Библиотека Линчеи с ее колоннами и огромными картами мира, конечно, казалась неимоверно громадной и навевала мне, еще совсем маленькой, сладостное чувство мира и отрешенности. Позже, когда я стала взрослее, мне разрешали рассматривать книги с иллюстрациями, изображающими сказочных персонажей под небом, раскрашенным от руки голубым и кроваво-красным. Впоследствии именно библиотека отца стала для меня убежищем и радостью. На страницах бесценных редких книг я открывала мир древних религий и приобщалась к искусству.

Дворец Корсини, где родилась Эльза и провела первые двадцать лет

После смерти отца мать отдала эти книги в дар Национальной библиотеке, что меня сильно огорчило — так хотелось их получить...

Однажды обнаружили, что моя «вагнеровская» няня — пьяница и дрянь. Когда носила меня на руках, под просторными ее юбками слышался звук ударяющихся друг о друга бутылок. Этот звук интриговал моих родителей-трезвенников, но правду они узнали, только когда моя сестра по наивности им рассказала, что няня прячет меня в кабачке на нижнем этаже, а сама в это время напивается. Ее тут же уволили и оставили вопящего, изголодавшегося ребенка без кормилицы. Поняли, что вскормлена я по большей части алкогольными напитками, а не молоком из груди.

В те времена еще не существовало ни замечательных американских бутылочек, ни витаминов, ни специальных продуктов детского питания. Отец, отправляясь за козьим молоком для меня, засовывал бутылочку под мышку, чтобы молоко не охлаждалось, и это, как я опасаясь, немало способствовало развитию у меня характера мятежного и упрямого.

Впрочем, козы вообще сыграли важную роль в истории моей семьи. Воспитанная на острове Мальта, моя мать, как и многие дети из порядочных семейств, вскормлена козьим молоком. В каждом доме острова держали козу; точно в назначенное время коза поднималась по лестнице, служанка ее чистила и доила молоко для младенца.

Моя бабушка со стороны матери, частично шотландка (ее отец — консул Великобритании на Мальте), выросла на востоке Азии. В двенадцать лет вышла замуж за моего деда, итальянца из Салерно, которому до своей смерти в возрасте двадцати лет родила пятерых детей, в том числе и мою мать. Ее муж в течение некоторого времени был политическим

ссылным. Арестованный Бурбонами¹, бежал, а его место за решеткой занял его дядя. Через несколько лет дядя вышел из тюрьмы слепым. Мой дед отправился в Египет, сделался законоведом и в конце концов стал советником хедива (правителя) Египта. Пост, несомненно, высокий, и когда он умер, народ нес его хоронить на руках. В этот период моей матери, ставшей сиротой, было десять лет; ее опекун, друг семьи граф Серистори, жил во Флоренции.

Мой отец происходил из промышленного района Пьемонта, одна из его сестер управляла всеми монастырями Италии, один из братьев стал знаменитым астрономом. Сам отец любил одиночество и обычно не стремился к общению с людьми. Время делил между своими занятиями и исследованиями Востока, персидскими, арабскими и санскритскими рукописями; позднее заинтересовался монетами,— имея огромную нумизматическую коллекцию, обменивался экспонатами с итальянским королем, как известно, знаменитым нумизматом.

Никогда отец не ходил в гости, лишь раз в неделю, по вечерам, навещал старого друга. После этих посещений на следующее утро я находила на своем ночном столике конфету, что доказывало: он (вместе с матерью, которая обычно его сопровождала) подумал о своей маленькой дочери, несмотря на вечер приключений.

Матери запрещали присутствовать на церемониях при дворе, потому что в соответствии с этикетом ей пришлось бы надеть декольтированное платье, чего муж не мог допустить.

¹ Королевская династия во Франции в 1589—1792, 1814—1815, 1815—1830 гг.; Испании в 1799—1808, 1814—1868, 1874—1931 гг.; Королевстве обеих Сицилий (или Неаполитанском) в 1735—1805, 1814—1860 гг.; династия герцогов Пармы и Пьяченцы в 1748—1802, 1847—1859 гг.— Здесь и далее *прим. вед. ред. серии*.

Каждое утро, в шесть часов — никто еще не вставал,— отец отправлялся на прогулку; в два часа пополудни, когда жара загоняла всех по домам, снова гулял: предпочитал жару нежелательным встречам. Где бы он ни находился, непременно хотел достигнуть самой высокой точки местности. В путешествие отправлялся всегда с одним желанием — взобраться на верх здания или на главную башню города — и заставлял меня сопровождать его, а я ненавидела высоту и испытывала ужас перед пустотой. Сжимаясь в комок, я чувствовала себя несчастной и закрывала глаза. Несмотря на привычку к молчанию, он был человеком добрым. Но я так и не поняла, какие отношения он имел с моей матерью и каким образом за десять лет им удалось родить двоих детей.

Когда мне было три или четыре года, он нанял гувернантку-зулуску, потому что захотел изучить язык этого племени. Эта грозная особа, очень черная, большая, костистая, с порослью седых волос, предвосхищавшей моду 1920 года на короткие стрижки, по вечерам тихо входила в мою темную спальню, держа в руке дрожащую свечу, чтобы пожелать мне доброй ночи. Усевшись в ногах моей кровати, она шептала: «Я так тебя люблю! Я похоронила всех, кого люблю!.. И тебя хотела бы похоронить!»

Когда мы проходили по узким улочкам Трастевере, нас преследовала толпа уличных мальчишек, они бросали в нас камни и кричали: «Убирайся отсюда, королева Тету!» В этот период народ ненавидел абиссинцев¹, а раз чернокожая — значит, принадлежит к этой национальности. Она считала, что единственное, чем можно загладить подобное оскорбление,— отвести меня в кондитерскую и напичкать пирожными с кремом.

По существующим тогда канонам Скиап считалась некрасивой

¹ Абиссиния — неофициальное название Эфиопии, употреблявшееся в прошлом и иногда встречающееся в современной зарубежной литературе.

вой девочкой. В те времена у нее были огромные глаза, и она казалась недокормленным ребенком. Конечно, затея с зулусской гувернанткой оказалась провалом. Ее место заняла немка по имени Метзингер (что означает «мясник»). Она учила меня немецкому языку, который я очень быстро забыла, но по случаю Рождества она заказывала для меня огромную елку из Черного леса; елка была такая большая, что доходила до потолка, а ее ветви были усыпаны мелкими украшениями из стекла и ангелами. Именно тогда я впервые солгала.

Обожая пробираться на кухню, поесть особого, кукурузного хлеба — его не подавали к столу,— я болтала с прислугой.

Однажды, чтобы расположить к себе кухарку, выдумала жалобную историю, которая довела ее до слез.

— Вы не знаете, Роза,— начала я тихонько,— как бережно обращаются со мной родители. Можно подумать, что я их родная дочь!

У Розы округлились глаза.

— Что вы такое рассказываете?! — сказала она.

— Ну да, Роза, я ведь вовсе не их дочь. Я просто бедный найденыш, над которым сжалились — меня удочерили. Но это тайна, вы никому не рассказывайте!

Глаза Розы наполнились слезами, заплакала и я. Взявшись за руки, мы поклялись хранить тайну. Но эта ноша стала непосильной для Розы, и она стала бросать на мою мать любопытные взгляды и всячески выражать свое трогательное сочувствие и верность. Удивленная мама спросила:

— Что происходит, Роза?

— О, сколь добра, мадам! О, такая добрая!..

— Роза, вы что-то от меня скрываете?

— О, мадам, этот ребенок, этот несчастный маленький найденыш!

— «Найденыш»?!

— Ну да, мадам! Подумать только... и мадам обращается с ней как с родной дочерью!.. Ах, мадам, я не могу сдержать слез! И вот тут правда вышла на свет! Отец, обычно такой тихий и нежный, задрал мне юбку и дал один-единственный шлепок — в жизни не получала! Этот достойный человек впал в гнев, я никогда и не подозревала, что у него такие сильные руки! Сам-то он, воплощение честности, не допускал ни малейшего отклонения от истины. После этого несколько дней я украдкой пробиралась к зеркалу, чтобы посмотреть на красный след от удара на ягодицах, и долго не могла сидеть.

Ребенком Скиап была трудным, и это не изменилось. Кругом непрерывно повторяли, что она некрасивая, а вот ее сестра красивая; в конце концов она этому поверила и начала искать способы стать прекрасной. Покрывать лицо цветами, превратив его в райский сад, — как это восхитительно... Вот росли бы у нее на лице цветы — и стала бы она единственной в мире! Вьюнки, настурции, маргаритки... В полном цвету! С большим трудом я раздобыла семена у садовника и посадила в горло, уши, в рот, чтобы скорее выросли в теплом теле, и принялась ждать результата.

Увы, в нашем материальном мире результат не замедлил сказаться: она стала задыхаться. Потеряв голову от отчаяния, мать послала за врачом — пусть отнимет у ее одаренной богатым воображением дочери подобные мечты и иллюзии. После этого другой доктор обнаружил, что его коллега забыл в носу ребенка кусочек ваты; тот сделался твердым как камень, что могло бы кончиться неприятностью. Но для нее единственное разочарование — цветы не выросли и не превратили ее в ослепительную красавицу.

На этот раз отец воздержался от наказания. Что за культурный и скромный человек! Немногие из его работ опубликованы,

но эрудиты до настоящего времени обращаются за справками к его трудам по востоковедению. И конечно же, коллекционеры всего мира приезжали посмотреть на его медали. Добрый, приветливый, глубоко привязанный к своей семье, хороший гражданин, неподкупный патриот. Он отказывался от почестей и наград, что иногда воспринималось как презрение. А он просто был застенчив, безразличен к светским почестям; суровый со своими, по отношению к себе честен и принципиален. В одной из комнат на чердаке нашего дома мать хранила в огромном чемодане свое свадебное платье и другие наряды, которые когда-то носила. Часами я примеряла их, вынув все из чемодана. Нашла там маленькие белые подушечки — их женщины во времена юности моей матери подкладывали ниже талии сзади, привязывая спереди шнуром; так подчеркивали линию бедер и приподнимали грудь. Считала тогда и считаю до сих пор, что эта мода шла очень многим. Еще извлекла необыкновенно тонкое нижнее белье, украшенное кружевами или вышивкой, длинные платья всех цветов (однако вкусы у матери весьма сдержанные) с тонкой талией. Подолгу оставалась я там, любуясь этими сокровищами, пытаюсь вообразить, какова была моя мать в молодости. Меня отправили в школу; очень скоро я обнаружила, что она не похожа на те, где все делается для детей, уважают их пожелания, изучают их возможности. Моя школа — мрачная темница с суровой дисциплиной, где нельзя даже задавать вопросов. Не знаю, что лучше. Впрочем, моя школа ничем не отличалась от многих других. Учительница, похожая на ястреба, сразу меня невзлюбила, и начались придирки, столкновения. Вскоре я возненавидела ее, и взаимно; она предсказала, что я плохо кончу. Зато сама я решила, что жизнь отщепенца мне неинтересна и я способна сделать ее печальное предсказание неосуществимым.

Как раз в то самое время Тибр вышел из берегов. Желтоватыми водами затопило многие улицы, особенно досталось нашей улице Лунгара, улице Набережной. Как многие маленькие дети, я не понимала, что тут беда, невзгоды, разрушения; меня это забавляло: все по-другому; нет больше скучной дороги в школу, за мной приезжает лодка, и по утрам я вылезаю из окна... даже занятия перестали казаться такими невыносимыми. Наводнение длилось несколько дней, потом вода отступила, обнажив улицы более черные и грязные, чем прежде. Только когда мать повела меня навестить бедняков, потерявших все свое имущество, я поняла, сколь эгоистично отнеслась к этому событию, и больше никогда не желала нового паводка.

Огромная волна патриотизма прокатилась по всей стране, повсюду происходили манифестации, и школьники сажали деревья во славу Италии. Состоялась грандиозная процессия, и, конечно, я приняла в ней участие, судьба припасла мне это опасное испытание. Наши патриоты столкнулись с группой коммунистов; ссора разразилась на площади Венеции — это как будто встретились гнев и преступление. Брань в каждом лагере превратилась в кровавые стычки, детей затапывали в грязь, были жертвы, много раненых.

Признаю, конечно, что все происшедшее со мною воспринималось как волнующее приключение. Впервые в жизни я свободна действовать по собственному усмотрению, никто мне не говорит, что́ следует делать. В мои шесть лет меня переполняло сознание собственной значительности. Я «бросилась в революцию», окруженная озлобленными, сорвавшимися с цепи типами, сопровождала их до площади Квиринале, к королевскому дворцу. Упивалась всем этим шумом, нравилась себе своей экстравагантностью и лишь поздно ночью, уставшая и проголодавшаяся, решила: пора возвращаться домой. Мимо ехал фиакр; я остановила его голосом, который

мне казался требовательным, и бросила: «Поезжайте во дворец Корсини!» Кучер посмотрел на меня несколько удивленно, но подстегнул лошадь.

У двери дома меня ждал отец; уже много часов полиция разыскивала маленькую девочку, не вернувшуюся из школы.

Может быть, ее убили или ранили во время смуты... Очень спокойно и непринужденно я спустилась из экипажа со словами: «Папа, пожалуйста, расплатись с кучером!» — и проследовала в дом...

Иногда мы проводили летние каникулы неподалеку от Рима, в Тиволи, городке тысячи фонтанов, расположившемся в чудесной местности на холме, где на вершине была вилла д'Эсте¹. Небольшие дома прятались за столетними оливами. Здесь приобрела я первых друзей — банду мальчишек, став ее предводительницей.

В чем никогда не разбиралась, так это в механике, но вот с велосипедом было все в порядке — научилась ездить; в первый раз показалось восхитительным, во второй — чуть не кончилось катастрофой. Я оказалась перед маневрировавшим поездом, и он простучал колесами в сантиметре от меня.

Возможно, и велосипед для меня слишком сложная машина, я до сих пор не без труда справляюсь с телефоном...

В детстве меня зачаровывала волшебная история Христа, шагающего по волнам. Во мне достаточно веры — почему бы не попробовать сделать то же самое?

Как ни странно, я с трудом нашла подходящий водный простор, только он как-то странно блестит на солнце, и прыгнула... Увы, это блестела не вода, а негашеная известь, и, несмотря на свою веру, я начала обжигаться... К счастью, один молодой художник по имени Пижон наблюдал из своего

¹ Построена в 1550 г. архитектором Пирро Лигорио; знаменита своими парком и фонтанами.— *Прим. пер.*

окна за странным поведением маленькой девочки и прибежал на помощь, как только увидел, что она барахтается в извести. Эльза спасена, но в третий раз в жизни разочарована! Тем не менее, несмотря на сожженные туфли и жалкие остатки маленького платица из хлопка, не перестала верить в чудеса. Позже, услышав об удивительных прыжках с парашютом, решила сама — в те времена подобный подвиг был редкостью — произвести опыт. Раскрыв огромный зонт, выскочила на край подоконника второго этажа и устремилась в пустоту... И на этот раз мой ангел-хранитель не дремал — я попала на навозную кучу; поднялась униженная до крайности, но целая и невредимая.

Время бежало, и пришлось мне облачиться в платье с черным бархатным воротничком; я чувствовала себя в нем обезьянкой в зоопарке. И чтобы увеличить мою неловкость, во время прогулок меня заставляли надевать огромную коричневую шляпу, украшенную большим желтым бантом.

Но детство кончилось, и маленькая девочка слишком рано столкнулась с жизненными проблемами. Меня готовили к первому причастию; я испытывала большую склонность к мистике, и это событие меня глубоко затронуло. Тот факт, что я живу, никогда не удовлетворял меня в полной мере, а успех и богатство особенно не впечатляли. Несомненно, деньги — приятная реальность, когда звенят в кошельке, но в голове постоянно возникало легкое сомнение: до какой степени я реальна?

Для души необходима вера, а для тела — удовольствия, но вера остается абстракцией, в то время как телесные удовольствия быстротекущи.

Я была отправлена в самый аристократический монастырь Рима — монастырь Лукези, чтобы подготовиться к конфирмации. Сестры в прекрасных синих и белых платьях, подобно

настоящим весталкам, поддерживали огонь на алтаре, иногда сменяя друг друга, проводили часы за молитвой перед дарохранительницей, а шлейфы платьев развевались, подобно нарядам мистических невест.

Атмосфера монастыря довела меня до такой степени экзальтации и унижения, что я дрожала с головы до ног. Читала и перечитывала катехизис, выучила наизусть, ничего не понимая, все грехи, которые могла бы совершить; исполнилась решимости унизить себя: в тот момент, когда попаду в кабину исповедника, обвиню себя во всех смертных грехах, чтобы быстрее подняться на небо. Не знаю, что на меня нашло, когда, бия себя в грудь, я настойчиво бормотала: «Да, отец мой, я развратничала...»

Священник, не зная, сердиться или удивляться, вышел из исповедальни и нежно спросил у маленькой растерявшейся девочки:

— Дитя мое, понимаете ли вы, о чем говорите?

— Не уверена, отец мой, но это, должно быть, очень большой грех.

И раздавленная стыдом своего бесчестья, упала в обморок.

Шок для моей юной души оказался столь глубок, что родители решили отправить меня в протестантский колледж; руководила им старая дева, по имени синьорина Арнолетто. Думаю, его выбрали, потому что считали лучшим в Риме. Наш день начинался с пения неистового патриотического гимна, навеянного живучей в Италии ненавистью к австрийцам и немцам. Помню такие слова:

Прочь из Италии,
Убирайтесь, иностранцы!
Поля Италии
Предназначены лишь нам!

Часами мы слушали лекции о Библии; взгляд мой блуждал за окном, по фонтанам площади Терне, они опрыскивали чистой водой из римских источников статуи обнаженных, исполненных неги дам. Меня интересовали истории из Библии; когда я спрашивала себя, что со мной произошло бы, сделай я то, что совершили эти люди, меня едва не обвинили в одержимости дьяволом. Понадобились годы, чтобы понять: единственный настоящий грех тот, что направлен против божественной искры во мне самой, которую принято называть душой.

В колледже кормили ужасно, мы с сестрой, находившейся на таком же режиме, не прекращали на это жаловаться. Тогда нас обвинили в излишней разборчивости. Особенно отвратительный суп подал нам в конце концов блестящую идею привлечь к этой беде внимание матери, хотя она и сопротивлялась. Мы отлили чуточку помоев, которыми нас потчевали, в бутылочку и принесли домой. Долго обхаживали кухарку и уговорили подать это матери вместо приготовленного прекрасного супа.

Трюк удался полностью, мать попробовала и воскликнула в гневе: «Уберите от меня этот ужас! Кухарка, наверно, сошла с ума!» Да нет, кухарка ни при чем, виноваты мы с сестрой, немедленно признались, и все встали на нашу сторону.

Отныне нам еду готовили дома, и мы носили ее с собой в небольшой корзинке.

Для меня самой неприятной необходимостью было рано ложиться спать, когда родители устраивали большой обед. Однажды я придумала ужасную месть: для этого терпеливо собирала блох и помещала их в бокал. Однажды тихо и спокойно притаилась под обеденным столом в столовой еще до прихода гостей. Наконец, все вошли в зал: важные господа, дамы в длинных платьях... Постепенно, когда разговор за столом оживился и подали жаркое, я открыла бокал и выпустила насекомых... Гости моего отца — люди серьезные, даже

несколько напыщенные. Господа с изысканными манерами изо всех сил пытались оставаться пристойными, но это так трудно... То одна, то другая рука показывалась под столом и принималась чесать своего владельца. И еще рука... еще одна... Вплоть до того момента, когда, не подозревая о моем присутствии, все гости исчезли один за другим в укромных местах, чтобы всласть почесаться. В конце концов меня обнаружили и не только отослали спать, но и заперли в комнате.

Как уже говорилось, Скиап считала, что сестра ее гораздо красивее, и это порождало застенчивость, которая так ее и не покинула. Несмотря на свою репутацию, она не избавилась от некоторой нервозности, иногда переходящей в агрессивность, что часто делает ее... ну, скажем, не совсем обходительной.

Моя сестра обладала греческой красотой своей крестной, эксцентричной шотландки, которая одиноко жила на прекрасной вилле близ Флоренции, спала на полу, чем приводила меня в ужас, и называла виллу «Особняк Атений». Сама она не подозревала о своей красоте; глубоко верующая, хотела стать монахиней. Под давлением родителей она отказалась от этих планов, вышла замуж и стала прекрасной матерью двоих сыновей. У меня есть, однако, основания подозревать, что в глубине души она словно сожалела, что изменила свое намерение и позво-

Альберто де Доминитис, дедушка Эльзы, ее мать (слева), дядя Винченцо и тетя Лили (Зиа)

лила себя уговорить. Тем не менее, где бы она ни находилась, каждый день в шесть утра ходила к мессе.

Со стороны отца родственники вовсе не отличались красотой; например, его кузен, знаменитый египтолог, самый противный тип, каких я знала. Впрочем, это не имеет значения: музеи Каира полны его открытий, и он среди немногих, кому разрешили вывезти из Египта саркофаг вместе с содержимым.

Таким образом, в Турине создан замечательный египетский музей. Кроме того, он гуманнейший из людей: если не трудился на раскопках, отправлялся в Сицилию или даже в Китай спасать детей, которых в те времена заставляли работать на серных рудниках. Находил для них не столь тяжелую работу или добивался, чтобы их отравили в школу. Я его очень жалею, зная, как плохо он переносит морские путешествия — до такой степени, что редко покидает свою каюту во время плавания. Он очень заботился о нескольких прядях волос, оставшихся на его облысевшем черепе, и тщательно их приглаживал.

Зато брат моей матери, блестящий кавалерийский офицер, и ее сестра имели по-настоящему дивную красоту. К ее авантюрному образу жизни относились неодобрительно. Зато она интересовала меня, всегда испытывавшую страсть ко всему прекрасному. Мы звали ее тетя Лили. Однажды, когда она прогуливалась по узкой улице Неаполя, навстречу ей попался монах. Потрясенный ее красотой, он спрятал лицо в широком рукаве сутаны и бросился бежать с возгласом: «Изыди, сатана!» Конечно, репутация тети пропала. В конце концов она вышла замуж за адвоката и уехала жить в Египет. Оттуда посылала нам всякие экзотические предметы и восхитительные ткани; в нашей строгой обстановке они заставляли меня фантазировать и, возможно, пробудили вкус к Востоку, оставшийся до сих пор. С волнением ждала я этих посылок, а в моем

окружении и не подозревали о воздействии, которое они производили на сумасшедшие мечтания маленькой девочки. Брат моего отца, Джованни Скиапарелли,— вот поистине удивительная личность. Директор Обсерватории во дворце Брера в Милане, он, как и мой отец, предпочитал одиночество и, видя новое лицо, ощетинивался как дикобраз. Это не мешало ему обзавестись многочисленной семьей. Кроме того, он был ужасно забывчив. В день своей свадьбы привез молодую жену в Вену и, едва приехав, сказал ей: «Извините, мне необходимо встретиться с астрономом, который живет здесь. Я тотчас вернусь»,— и убежал, думая только о телескопах и звездах.

Несчастливая супруга вся в слезах ожидала его в номере отеля. Он обещал быть к завтраку, но не явился. Миновало время обеда, наступила полночь, прошла ночь, а Джованни так и нет. Наконец утром он, ничего не подозревавший, вернулся, попросил ключ и поднялся в свой номер. На полу обнаружил трогательную фигуру — свою нежную жену, не перестававшую плакать... Астроном издал крик удивления: «Ох! Я совершенно забыл, что женился!» — и бросился к ней.

Меня он очень любил, потому что, как говорил, я родилась с созвездием Большой Медведицы на щеке, конечно, имея в виду мои родинки. Он приглашал меня смотреть на звезды в свой большой телескоп; взяв на руки, объяснял, почему считает, что Марс обитаем и живут там такие же люди, как мы; он даже думает — собирают свои урожаи. Его открытие — на этой планете есть каналы — считалось событием первой величины в астрономии. Он был глубоко религиозен. Я провела много счастливых дней в его доме в стиле ампира неподалеку от Милана, где, растянувшись перед очагом, наблюдала, как он готовит национальное ломбардское блюдо — поленту.

Мы устраивали трапезу, усевшись вокруг большого семейного обеденного стола, а потом гуляли по кипарисовой аллее, которая очень живо сохранилась в моей памяти. Простодушный, но наделенный удивительной жизненной силой в хрупком теле, он всегда был готов открывать новые вселенные на небесном своде, находить неожиданные соотношения между звездами и кометами и описывать мне Марс так, будто провел там массу времени. Благодарное отечество осыпало моего дядю почестями, что его удивляло. Например, друзья хотели, чтобы он стал сенатором. Всякий раз, когда они с ним об этом говорили, он поднимал прекрасные добрые глаза и спрашивал: «Но почему я?»

Несколько важных личностей решили наконец в один жаркий летний день пойти к нему и серьезно обсудить этот вопрос. В торжественных одеждах они проследовали по улицам Милана, подошли к дому и позвонили. Довольно долго никто не отвечал: слуги куда-то ушли, а сам знаменитый астроном, верно, мысленно бродил в полях марсианской пшеницы... Жара стояла ужасающая. В конце концов он открыл дверь — по случаю каникул не счит нужным стеснять себя одеждой, и делегация узрела на пороге великого человека совершенно голого...

Тем не менее особым декретом дядя получил звание сенатора. «Сенаторы,— заметил он,— создают законы для людей, а я знаю всего несколько небесных законов».

Один-единственный раз он отправился в Сенат и принял присягу, чтобы доказать, что он хороший патриот, и больше никогда туда не возвращался. Из-за близорукости по прошествии лет он лишился возможности смотреть в свой телескоп. Тогда, чтобы не терять времени зря, принялся изучать древнееврейский язык — на нем астрономы писали в Древнем Вавилоне! Когда дядя умер, Обсерватория выразила свое почтение к нему минутой молчания — великого

молчания, которое внушало уважение. С тех пор имя его произносится с таким же пиететом, как имена Вольта, Галилея или Спинозы. И труды этого маленького ростом великого человека продолжают будоражить умы современников.

Когда отец оставил свой пост в университете, мы переехали из дворца Корсини в дом на площади Санта-Мария-Маджоре. Из окон квартиры открывался великолепный вид на эту большую базилику, но нет уже ни таинственного чердака с романтическим сундуком, ни сада... и я чувствовала себя несчастной. Тогда отец решил взять меня с собой в Тунис, где у него было много друзей. В свои тринадцать лет я, конечно, любила приключения, но ни разу не ступала на борт корабля. Мы совершали это плавание в штормовую погоду и стали единственными пассажирами, не покинувшими палубы.

С самого прибытия в Тунис нас стали приглашать к себе владельцы частных домов со странными интерьерами, окруженных великолепными садами. Увы, мне, совсем юной девушке, во время этих визитов приходилось проводить большую часть времени в гаремах, которые совсем не походили на места моих мечтаний. Меблировка ужасная, все предметы куплены в европейских магазинах, тут стояли даже огромные зеркальные шкафы. Зато я научилась там есть руками самое восхитительное мясо — ягнят.

Тогда произошел и первый необыкновенный эпизод в моей жизни. Моей руки попросил один из самых могущественных в стране арабов. Не знаю уж, когда он меня заметил, только стал разезжать перед моими окнами в своей огромной, развешиваемой белой гандуре (халате без рукавов), верхом на прекрасном скакуне. За ним ехала на черных лошадях его свита. Вытянувшись в линию посреди площади, всадники

принимались выполнять то, что арабы называют «Фантазией»,— это поразительное конное представление. Подняв к небу копыта, они поворачивали и ехали галопом, выделявая поразительные фигуры танца. Разумеется, хорошо воспитанная девушка оставалась невидимой. Мне позволялось лишь украдкой, сквозь занавеси бросить взгляд... В тот момент я не понимала, что таким образом за мной ухаживают и вся эта демонстрация устроена в мою честь. Когда отец сообщил мне об этом, я почувствовала себя женщиной, готовой сказать «да» своему таинственному поклоннику. Увы, отец счел, что дочь еще слишком молода.

Вот так я упустила шанс начать жизнь, которая, несомненно, обещала быть мирной. В дальнейшем много раз, во время моих великих и суровых сражений, я вспоминала об этом и жалела, что не воспользовалась посулами безоблачного существования.

Итак, Скиап вернулась в Италию, приобретя более просветленный взгляд на мир, ибо увидела многое по-настоящему прекрасное, почувствовала себя женщиной; ребенком, не ведавшим еще всего, что принято называть «жизнью как она есть»,— и тем не менее женщиной. В течение многих часов она упорно размышляла...

Мать заставила ее изучать музыку и давала уроки игры на фортепиано. Это просто ужасно, невыносимо — садиться на табурет и нажимать так долго на одну ноту. Вот и пришло в голову притворяться после каждого занятия, что у нее приступ истерии. Затея удалась, занятия музыкой прекратили.

Ну а что касается религии, то один поцелуй чуть не убил ее в Скиап. Это случилось, когда невинный флирт с немного более старшим мальчиком уничтожил прелесть первого поцелуя. Она нашла его приятным, испытанное ощущение понравилось. Однако строгие правила, привитые с детства,

и полученные основы религиозного воспитания привели к мысли, что этот поступок ужасен. Терзали муки греховного сознания, пугали последствия. В те времена юным девушкам ничего не рассказывали, родители считали это непристойным. Церковь Санта-Мария-Маджоре, туда бросилась она, чтобы исповедаться. Священник попался начисто лишенный такта, и по ее перепуганному виду, вероятно, подумал, что и впрямь согрешила. Стал задавать нелепые, отвратительные вопросы, из которых она узнала поражающие подробности. Сверхчувствительная, она ни о чем не подозревала, все это оскорбляло ее самые потаенные, интимные чувства. Потрясенная, она убежала из церкви, рыдая, и больше не показывалась в исповедальне.

Для меня это стало трагедией, ведь исповедь — один из самых мудрых законов католической церкви. Так важно довериться другому, знать, что твои душевные тайны не будут нарушены благодаря строгим правилам молчания, а ошибки, если ты искренна, простятся, забудутся, это было огромным облегчением.

Психоанализ, который мы называем наукой, предназначался для того, чтобы прийти на смену исповеди. Оба метода чреваты опасностями; религиозная исповедь — в меньшей степени, ибо анонимна, беспристрастна и ее слушают люди, чья профессия является их призванием. Исповедь психоаналитику опасна, потому что основа тут неприкрыто корыстна.

Пальто Эльзы Скиапарелли, созданное в сотрудничестве с Жаном Кокто, 1937

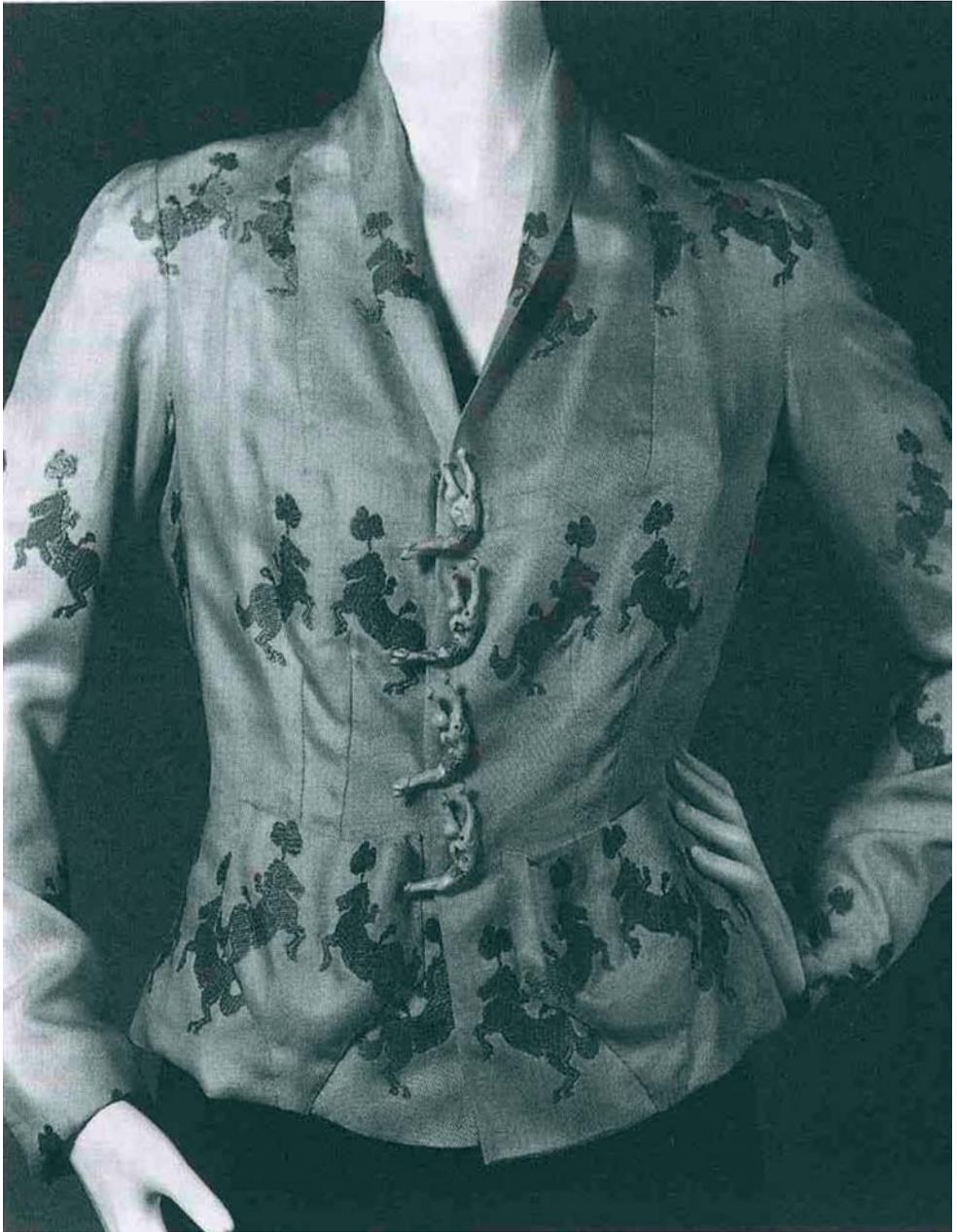
Schiaparelli

Вышитый жакет Эльзы Скиапарелли, созданный в сотрудничестве с Жаном Кокто, 1937

Вечернее платье и платок от Скиапарелли, созданные в сотрудничестве с Сальвадором Дали, 1938

Модель Скиапарелли из коллекции «Цирк», 1938

Накидка из черного бархата, расшитая золотыми нитями и блестками от Скиапарелли, 1938–1939

Дневной ансамбль из черного искусственного шелка с бархатной вставкой, украшенной разноцветной вышивкой, 1941

Вечерний ансамбль от Скиапарелли, коллекция весна 1947 г.